Ду Гэгэ

Белорусский государственный университет, Минск

Du Gege

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(510+58)(091)“1991/2021”

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КНР С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1991–2012 ГГ.

THE RELATIONSHIP BETWEEN CHINA AND CENTRAL ASIAN STATES IN 1991–2012

В статье рассматриваются основные направления взаимоотношений КНР и государств Центральной Азии в 1991–2012 гг. Проведен анализ двустороннего и многостороннего сотрудничества в сферах безопасности, экономики и культуры. Установлено, что в качестве основной сферы КНР рассматривала сферу безопасности, что привело к подписанию ряда соглашений по борьбе с угрозами. Решение ключевых вопросов безопасности позволило КНР уделять большее внимание экономическому сотрудничеству, развитию гуманитарных и культурных проектов в регионе.

Ключевые слова: безопасность; Китай; культурное сотрудничество; международное сотрудничество; страны Центральной Азии; торгово-экономические отношения.

The article examines the main directions of relations between the People's Republic of China and the states of Central Asia in 1991–2012. The analysis of bilateral and multilateral cooperation in the fields of security, economy and culture is carried out. It was established that the PRC considered the security sector as the main sphere, which was reflected in the signing of a number of agreements on combating threats. Addressing key security issues has allowed China to pay more attention to economic cooperation, the development of humanitarian and cultural projects in the region.

Keywords: security; China; cultural cooperation; international cooperation; Central Asian countries; trade and economic relations.

Китайская Народная Республика (КНР) каждый год подтверждает свой статус одного из лидеров на международной арене. В контексте наращивания дальнейшего потенциала КНР немаловажную геостратегическую роль играют государства Центральной Азии (ЦА), обретение независимости которыми в связи с распадом СССР привело к формированию новой ситуации в регионе. Это обусловило интерес к проблематике сотрудничества Китая и государств ЦА как китайских исследователей (Бао И [1], Ли Лифань [2], Цзян Сиюань [3], Ся Липин [3], Чжан Цзе [4] и др.), так и исследователей других государств, в т. ч. конкурирующих с Китаем за влияние в регионе (А. Д. Воскресенский [5], С. Г. Лузянин [5], С. Бланк [6], Ш. Бреслин [7] и др.). Научные исследования, посвященные изучению особенностей внешней политики Китая в отношении государств ЦА проводились и политологами государств региона (Г. Нурша [8], К. Л. Сыроежкин [9], А. Бахова-

динов [10] и др.), что позволяет структурировать интересы обеих сторон, а также выявить различные точки зрения на стратегию Китая в отношении отдельных государств ЦА и региона в целом.

Таким образом, целью данного исследования является анализ и оценка основных направлений взаимоотношений КНР и государств ЦА с момента приобретения ими независимости и статуса полноправных субъектов международных отношений в 1991 г. и до прихода к власти Си Цзиньпина, нынешнего Председателя КНР (до 2012 г. включительно).

В статье мы выделим и рассмотрим основные направления взаимодействия КНР со странами ЦА в конце 1990-х – начале 2000-х гг., которые включали в себя:

- сотрудничество в сфере безопасности и борьбы с угрозами;
- многостороннее и двустороннее экономическое сотрудничество;
- гуманитарное и культурное сотрудничество.

Сотрудничество в сфере безопасности и борьбы с угрозами.

27 декабря 1991 г., практически сразу после распада СССР, КНР объявила о признании независимости 5 государств ЦА. В начале 1992 г. между КНР и государствами ЦА были установлены дипломатические отношения: 2 января – с Республикой Узбекистан, 3 января – с Республикой Казахстан, 4 января – с Республикой Таджикистан, 5 января – с Кыргызской Республикой, 6 января – с Республикой Туркменистан. Таким образом, КНР стала одним из первых государств в мире, признавших данные государства полноправными субъектами международных отношений.

Сотрудничество со странами ЦА имело большое стратегическое значение для КНР, что было обусловлено политикой сдерживания США в Южно-Китайском море, возможным расширением НАТО, а также потенциалом для расширения политического и экономического влияния. Однако на первый план для КНР выходят вопросы безопасности и необходимость принятия мер по предотвращению возможных угроз, в том числе сепаратизма и национально-религиозного экстремизма, так как Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан имеют общую границу с нестабильным Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР) КНР. С Узбекистаном и Туркменистаном у КНР нет общей границы, что сделало данные страны менее значимыми для Китая на начальном этапе развития отношений.

КНР начинает проявлять активность в ЦА в середине 1990-х гг., преследуя цели безопасности и совместной борьбы с терроризмом. Так, в Шанхае 26 апреля 1996 г. между Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном было подписано «Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы», в преамбуле которого подтверждалось «взаимное неприменение силы или угрозы силой, отказ от получения одностороннего военного превосходства» [11]. Соглашение было первым в сфере безопасности между получившими независимость странами ЦА, Россией и КНР и регулировало формы сотрудничества между вооруженными силами государств в пределах 100-километровой зоны по обе

стороны от линии общей границы. Во время переговоров в Шанхае также было принято решение о проведении регулярных встреч «Шанхайской пятерки» (стран, подписавших Соглашение).

В последующие годы во время саммитов «Шанхайской пятерки» был подписан ряд документов, уточняющих и расширяющих сферы сотрудничества:

- Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 24 апреля 1997 г.;
- Совместное заявление участников Алма-Атинской встречи от 3 июля 1998 г., в котором впервые поднимался вопрос о борьбе с угрозами: «любые проявления национального сепаратизма, этнической нетерпимости и религиозного экстремизма неприемлемы» (п. 5) [12];
- Бишкекская декларация от 25 августа 1999 г., которая заложила основу проведению «регулярных контактов и консультаций на различных уровнях» (ст. 2) [13] и подняла вопрос о создании «зоны, свободной от ядерного оружия» (ст. 5) [13];
- Душанбинская декларация от 5 июля 2000 г. еще более расширила сферы взаимодействия, что привело к решению «углублять взаимодействие в политической, дипломатической, торгово-экономической, военной, военно-технической и иных областях в целях укрепления региональной безопасности и стабильности» (ст. 2) [14].

Начав с вопроса о предупреждении возможных конфликтов в районе общей границы в первом Соглашении 1996 г. и придя к идее многостороннего равноправного сотрудничества в Душанбинской декларации 2000 г., страны – участницы «Шанхайской пятерки» совместно с Республикой Узбекистан 14–15 июня 2001 г. на саммите в Шанхае приняли решение о создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Во время саммита в Шанхае были подписаны Декларация о создании ШОС, «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», где указывалось не только стремление к доверию и дружбе, но и поощрялось сотрудничество во многих областях и «построение нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка» [15].

Таким образом, 3 из 5 государств ЦА (Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан), имея общую границу с КНР, с первых лет приобретения независимости активно сотрудничали с Китаем в сфере безопасности и борьбы с угрозами в районе общей границы, а с расширением сфер сотрудничества и другие страны ЦА начали присоединяться к проводимым саммитам и подписанию соглашений.

Подписание всеми главами государств – членов ШОС Соглашения о Региональной антитеррористической структуре от 7 июня 2002 г., а также двустороннего соглашения «О сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» между КНР и Республикой Узбекистан от 4 сентября 2003 г. имело исключительное значение для решения вопросов

безопасности КНР, так как в данных соглашениях устанавливался запрет на создание в соседних государствах уйгурских организаций, выступающих за независимость СУАР Китая (ст. 10 Соглашения между КНР и Узбекистаном) [16].

Подобные двусторонние соглашения о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом КНР заключала и с другими государствами ЦА: 11 декабря 2002 г. – с Кыргызстаном; 23 декабря 2002 г. – с Казахстаном и т. д. Так КНР создала гарантии безопасности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Таким образом, в сфере безопасности КНР уделяла внимание как многостороннему формату, так и развитию двусторонних отношений с каждым конкретным государством ЦА.

Правительство КНР подписало двусторонние договоры о партнерских отношениях дружбы и сотрудничества: с Казахстаном (23 декабря 2002 г.), Кыргызстаном (24 июня 2002 г.), Узбекистаном (25 мая 2005 г.), Таджикистаном (15 января 2007 г.). В данных документах стороны договаривались строить взаимоотношения на принципах «взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования» [17].

Особо следует отметить отношения с Туркменистаном, который дистанцировался от многостороннего сотрудничества. В 1995 г. КНР оказала поддержку специальной Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об общепризнанном статусе постоянного нейтралитета Республики Туркменистан.

Таким образом, КНР в сфере безопасности стремилась к созданию многосторонней системы безопасности в ЦА, результатом чего стало учреждение ШОС.

Экономическое сотрудничество.

Международное сотрудничество КНР с государствами ЦА не могло ограничиваться только сферой безопасности. Уже в Совместном заявлении участников Алма-Атинской встречи от 3 июля 1998 г. отмечалась необходимость «широкомасштабного и долгосрочного сотрудничества во всех областях экономики» (ст. 7), определялись основные принципы экономического сотрудничества (ст. 6) [12].

Таким образом, уже в 1998 г. «Шанхайская пятерка» наметила основные направления экономического сотрудничества: энергетика, развитие необходимой для транспортировки сырья инфраструктуры, увеличение товарооборота и наращивание инвестиций (в том числе льготного кредитования). Это подтверждает мысль И. Н. Комиссиной и А. А. Куртова о том, что «хотя ШОС изначально создавалась с целью совместной защиты границ, ее деятельность с самого начала приобрела ярко выраженную экономическую направленность» [18]. Китайские исследователи полагают, что «исзначально Китай придавал большое значение экономическому сотрудничеству в рамках ШОС, считая, что таким образом можно решить проблемы, связанные

именно с региональной безопасностью» [19, с. 214], т. е. на первом месте стояла сфера безопасности, а экономическое сотрудничество было способом достижения этой цели.

14 сентября 2001 г. государствами – членами ШОС был подписан документ, который касался только экономического сотрудничества – Меморандум об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций. Государства – участники ШОС определили широкий перечень направлений отраслевого сотрудничества, представляющих «взаимный интерес» (ст. 3) [20].

«Возросшая потребность в энергоносителях китайской экономики активизировала внешнюю политику Китая в энергетической сфере. Начав на первом этапе с Казахстана, к 2006 г. Китай начал развивать активное энергетическое сотрудничество с Узбекистаном и Туркменистаном» [21, с. 70]. Необходимость доставки сырья из стран ЦА обусловила помощь КНР в развитии инфраструктуры региона: строительство китайско-кыргызско-узбекской железной дороги Андижан – Карасу – Торугарт – Кашгар, железной дороги «Туркменбаши – Дашогуз – Атамурад» в Туркменистане, газопровода «Средняя Азия – Китай» через Казахстан и Узбекистан и т. д.

Всё это способствовало созданию новых рабочих мест, притоку китайских инвестиций в экономики стран ЦА, особенно необходимых в условиях мирового финансового кризиса конца 2000-х гг., но зачастую за предоставление льготных кредитов КНР требовала выполнения особых условий. Так, на строительство китайско-кыргызско-узбекской железной дороги в 2006 г. Китай «выделил 1,2 млрд долл., в обмен потребовав для себя исключительный доступ к природным ресурсам» [22].

Используя ШОС для внешнего влияния на весь регион, Китай не забывал создавать и укреплять двусторонние отношения с государствами ЦА, во многом базировавшиеся на предоставлении кредитов. Так, в Казахстане Китай выделял кредиты под конкретные экономические проекты, особенно в области горнорудной промышленности, а кредиты, полученные Таджикистаном от Китая, «превышали объем средств, выделяемых ему другими международными финансовыми организациями и государствами» [22]. При этом кредиты, предоставляемые Китаем Таджикистану «по низким ставкам и на длительный срок, носят “связанный” характер, основными особенностями которого являются использование китайских материалов, оборудования, машин и технологий, а также китайской рабочей силы в ходе реализации проектов» [23].

Что касается товарооборота в рассматриваемый период, то стоит отметить стремительное увеличение его объемов к 2012 г. Так, в своем интервью в 2013 г. заместитель министра торговли Китая Цзян Яопин отметил, что «в 1992 г. объем торговли между двумя сторонами (Китаем и странами ЦА – Д. Г.) составлял всего 460 млн долл. США, тогда как в 2012 г. этот показатель достиг 45,94 млрд долл. США, увеличившись почти в 100 раз» [24].

Согласно данным Economist Intelligence Unit, по итогам 2012 г. 1-е место в двусторонней торговле занимал Казахстан (общий объем экспорта и импорта составил 23 982 млн долл. США), 2-е место – Туркменистан (общий объем экспорта и импорта составил 9160 млн долл. США), 3-е – Узбекистан (общий объем экспорта и импорта составил 2954 млн долл. США), 4-е – Таджикистан (общий объем экспорта и импорта – 2022 млн долл. США), последнее – Кыргызстан (общий объем экспорта и импорта – 1271 млн долл. США) [25, с. 84–93]. Отметим, что хотя Туркменистан дистанцировался от политического сотрудничества и участия в ШОС, страна стала важным торговым партнером Китая в регионе.

Китайские исследователи, в т. ч. Сунь Чжуанчжи, считают, что увеличение объема товарооборота между КНР и странами ЦА является отражением потенциала сотрудничества между двумя сторонами: «Торговые отношения между Китаем и пятью странами ЦА стали все более тесными, и они играют все более важную роль в экономическом развитии ЦА. Данные показывают, что Китай стал крупнейшим торговым партнером Казахстана и Туркменистана, вторым по величине торговым партнером Узбекистана и Кыргызстана и третьим по величине торговым партнером Таджикистана» [24].

Таким образом, экономическое сотрудничество носило взаимозависимый и взаимовыгодный характер.

Гуманитарное и культурное сотрудничество.

Гуманитарное сотрудничество является неотъемлемой составляющей как многостороннего сотрудничества, так и двусторонних отношений Китая со странами ЦА.

Необходимость сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере отражена в различных Соглашениях Китая и стран ЦА: Бишкекской декларации от 25 августа 1999 г., Душанбинской декларации от 5 июля 2000 г. и др. Так, в ст. 15 Душанбинской декларации стороны договорились «поощрять развитие сотрудничества стран «пятерки» в области культуры, включая совместную организацию различных фестивалей, выставок и гастролей», а также отметили целесообразность проведения встреч министров культуры стран-участниц «пятерки» [14]. Первая такая встреча состоялась в Пекине 12 апреля 2002 г.

Подобного рода договоренности зафиксированы и в двусторонних соглашениях. Например, в Договоре между КНР и Узбекистаном «О партнёрских отношениях дружбы и сотрудничества» стороны отмечали «развитие обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта, а также налаживание контактов между соответствующими органами» (ст. 14) [14].

Практика взаимного проведения Дней культуры, фестивалей искусства и других мероприятий получила распространение на территории всех государств ЦА. Во время саммита в Астане в 2005 г. был создан Китайско-казахстанский подкомитет по культурному и гуманитарному сотрудничеству, проведены Фестиваль искусств и Выставка ШОС, а в 2008 г. – фестиваль фольклорного танца.

Китай стремится обеспечить свои геополитические и экономические интересы в регионе «во многом путём снятия культурно-языковых барьеров, обращая внимание на развитие в регионе китайского языка, своей культуры и образа жизни» [26, с. 74]. Помимо взаимодействия в сфере культуры и спорта получило широкое распространение создание на территории ЦА Институтов Конфуция, распространяющих китайский язык и культуру. Еще в 2005 г. в Ташкенте (Узбекистан) был создан первый Институт Конфуция, в 2007 г. Институт Конфуция был учрежден в Казахстане и в Кыргызстане, а в 2009 г. – в Таджикистане. В настоящее время в странах ЦА действуют 13 Институтов.

Таким образом, Китай на рубеже XX–XXI вв. рассматривал расширение своего влияния на государства ЦА через продуманное, последовательное укрепление геополитических, экономических, культурных связей.

Китайский исследователь Ли Шучжень в 2007 г. писал о необходимости взаимовыгодного сотрудничества «для гармоничного развития мировой экономики, в культурной сфере не обойтись без познания друг друга посредством диалога между цивилизациями для формирования открытого и инклюзивного духовного мира, в сфере безопасности крайне важна реализация глобальной новой концепции безопасности и создание бесконфликтного и стабильного мира» [27, с. 50–51]. Тесно переплетаясь друг с другом, данные сферы (геополитическая, экономическая, культурная) создали своеобразную паутину взаимозависимости КНР и государств ЦА как на региональном уровне, так и на международном.

В 1990-х – начале 2000-х гг. КНР рассматривала сферу безопасности как ключевую для развития отношений со странами ЦА, так как нестабильность в регионе могла повлиять на обстановку в СУАР. В связи с этим уже во второй половине 1990-х гг. китайская дипломатия начала прилагать усилия по продвижению повестки борьбы с сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом. Результатом стало подписание ряда двусторонних и многосторонних соглашений, а также создание ШОС. Решение ключевых вопросов безопасности позволило уделять большее внимание экономическому сотрудничеству, что наглядно показывает существенный рост товарооборота Китая со странами ЦА. Параллельно Китай развивал гуманитарные и культурные проекты в регионе. К 2012 г. КНР удалось достичь значительных успехов в реализации своей внешнеполитической стратегии относительно государств ЦА и стать их крупнейшим партнером во всех сферах.

Список использованных источников

1. *Бао И.* Китай: Стратегические интересы в Центральной Азии и сотрудничество со странами региона / Бао И // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 5. – С. 117–123.
2. *Ли Лифань.* Китай: энергетическая безопасность страны и сотрудничество с Россией, Казахстаном, Японией в сфере энергоресурсов / Ли Лифань // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 1. – С. 128–140.

3. Цзян Сиюань = 蒋锡源. Мирное возвышение Китая = 中国的和平崛起 / Цзян Сиюань = 蒋锡源, Ся Липин = 夏丽萍. – Пекин: Китайские общественные науки = 北京: 中国社会科学, 2004. – 382 с. (на кит. яз.).

4. Чжан Цзе = 张杰. Геостратегия Китая в Центральной Азии и ее влияние на «Экономический пояс Шелкового пути» = 中国的中亚地缘战略及其对“丝绸之路经济带” / Чжан Цзе = 张杰 // Исследование мировой географии = 世界地理研究. – 2016. – № 1. – С. 22–30 (на кит. яз.).

5. *Воскресенский, А. Д.* Политика Китая в Центральной Азии / А. Д. Воскресенский, С. Г. Лузянин // Южный фланг СНГ: Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России: сб. ст. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений; под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. – М.: Логос, 2003. – С. 301–336.

6. *Blank, S.* Infrastructural Policy and National Strategies in Central Asia: The Russian Example / S. Blank // Central Asian survey. – Oxford, 2004. – Vol. 23, № 3/4. – P. 225–248.

7. *Breslin, Sh.* China and the Global Political Economy / Sh. Breslin. – Houndmills, Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2013. – 256 p.

8. *Нурша, Г.* К дискуссии о «мягкой силе» Китая: уроки для Казахстана / Г. Нурша // Казахстан-Спектр. – 2017. – № 3. – С. 68–83.

9. *Сыроежкин, К. Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии / К. Л. Сыроежкин. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – 733 с.

10. *Баховадинов, А.* Геополитические ориентиры Таджикистана / А. Баховадинов, Х. Додихудоев // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 1. – С. 144–151.

11. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы [Электронный ресурс]: заключено в г. Шанхай 26.04.1996 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901763237>. – Дата доступа: 17.01.2024.

12. Совместное заявление участников Алма-Атинской встречи – Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: заключено в г. Алма-Ата 03.07.1998 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901794856>. – Дата доступа: 17.01.2024.

13. Бишкекская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: заключена в г. Бишкек 25.08.1999 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901743899>. – Дата доступа: 17.01.2024.

14. Душанбинская декларация Глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: заключена в г. Душанбе 05.07.2000 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901770882>. – Дата доступа: 17.01.2024.

15. Декларация о создании «Шанхайской Организации Сотрудничества» [Электронный ресурс]: заключена в г. Шанхай 15.06.2001 г. // Министерство иностранных дел

Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1678030/. – Дата доступа: 17.01.2024.

16. Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]: заключено в г. Шанхай 04.09.2003 г. // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/uz/docs/1325463>. – Дата доступа: 17.01.2024.

17. Договор между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой о партнерских отношениях дружбы и сотрудничества [Электронный ресурс]: заключен в г. Пекин 25.05.2005 г. // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/2059800>. – Дата доступа: 17.01.2024.

18. *Комиссина, И. Н.* Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / И. Н. Комиссина, А. А. Куртов; под ред. Е. М. Кожокина. – М.: РИСИ, 2005. – 117 с.

19. *Чэньсин, В.* ШОС: стабилизатор региональной безопасности в евразийском пространстве / В. Чэньсин // Интеграционные процессы в евразийском пространстве и современный мир: материалы междунар. науч.-практ. конф., Алматы, 14 ноября 2012 г.; отв. ред. Б. К. Султанов. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2013. – С. 211–215.

20. Меморандум об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций [Электронный ресурс]: заключен в г. Алматы 14.09.2001 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/1678100/. – Дата доступа: 17.01.2024.

21. *Zhiltsov, S. S.* Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: New Opportunities and New Challenges / S. S. Zhiltsov // *Central Asia and the Caucasus*. – 2014. – Vol. 15, iss. 4. – P. 69–79.

22. *Маркова, Е. А.* Политика Китая в Центральной Азии (90-е годы XX века – начало XXI века) / Е. А. Маркова // Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – № 9 (1). – С. 121–129.

23. *Соколан, Д. С.* Роль Китая в социально-экономическом развитии Таджикистана: плюсы и минусы / Д. С. Соколан, Г. А. Каландаршоев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – №3. – С. 357–367.

24. Дун Айбо = 董爱波. Масштабы торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии возросли = 中国与中亚五国的贸易规模增 / Дун Айбо = 董爱波, Ван Цзокуй = 王作葵. – 2013. – Режим доступа: <https://www.163.com/money/article/9114NOTI00254TI5.html>. – Дата доступа: 07.02.2024 (на кит. яз.).

25. *Connecting Central Asia with Economic Centers – Russian Version*. – Tokio: Asian Development Bank Institute, 2015. – 100 p.

26. *Серебрякова, Н. В.* Центральноазиатская политика КНР как региональная проекция «теории гармоничного мира» / Н. В. Серебрякова // Мировые державы в Центральной Азии / под ред. Л. Е. Васильев. – М.: Институт Дальнего Востока, 2011. – С. 74–75.

27. Ли Шучжень = 李淑珍. Коннотация, основа и значение концепции гармоничного мира = 和谐世界理念的内涵 依据和意义 / 李淑珍 // Ситуация и политика = 形势与政策. – 2007. – №2. – С. 50–55 (на кит. яз.).

(Дата подачи: 27.02.2024 г.)

E Хуаиэн

Белорусский государственный университет, Минск

Ye Huasheng

Belarusian State University, Minsk

УДК 94.82-2:[299.51+294.3]

ЖЕНСКИЕ ПЕРСОНАЖИ КИТАЙСКОЙ ДРАМЫ ПЕРИОДА ДИНАСТИИ МИН «НОВАЯ РЕДАКЦИЯ “МУЛЯН СПАСАЕТ СВОЮ МАТЬ И ПООЩРЯЕТ ДОБРОТУ”» В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЯ «ТРЕХ РЕЛИГИЙ»

FEMALE CHARACTERS OF THE MING DYNASTY CHINESE DRAMA «NEW EDITION OF “MULIAN SAVES HIS MOTHER AND ENCOURAGES KINDNESS”» IN THE CONTEXT OF THE TEACHINGS OF THE «THREE RELIGIONS»

В статье рассматривается китайская драма династии Мин в контексте религиозного климата того периода. В частности, первостепенное внимание уделено женским персонажам драмы, которые свидетельствуют о трансформации, которую переживало общество эпохи Мин. Автор пришел к выводу о том, что наполнение подробными, в том числе положительными, характеристиками изначально сугубо отрицательного женского персонажа пьесы – Лю Цинти, а также появление нового образа – невесты главного героя Цао Сайин, свидетельствует о наличии социального запроса на женский поведенческий кодекс, который был инициирован в лоне неоконфуцианства и начал реализовываться в рамках концепции сань цзяо.

Ключевые слова: Китайская драма; династия Мин; сан цзяо; «три религии»; «Новая редакция “Мулян спасает свою мать и поощряет доброту”»; буддизм; даосизм; неоконфуцианство; концепция «строгого целомудрия».

The article examines Chinese drama of the Ming Dynasty in the context of the religious climate of that period. In particular, primary attention is paid to the female characters of the drama, who testify to the transformation that Ming society was experiencing. The author came to the conclusion that the filling with detailed, including positive, characteristics of the initially purely negative female character of the play – Liu Qingti, as well as the creation of a new image – the bride of the main character Cao Saiying, indicates the presence of a social demand for a female behavioral code, which was initiated in the bosom of Neo-Confucianism and began to be implemented within the framework of the concept of san jiao.

Keywords: Chinese drama; Ming Dynasty; san jiao; “three religions”; «New edition of “Mulian saves his mother and encourages kindness”»; Buddhism; Taoism; neo-Confucianism; the concept of “extreme virtue”.